Глава 91 Торжественная встреча.

Усталый и потрепанный обоз прорвавших блокаду Мо'яна подошел почти к самым воротам города, когда, наконец, стражей ворот со стен были опознаны гербы и флаги прибывших. И это были флаги рода Ван! Конечно, там были не только они, но явно главную позицию занимал именно этот знак. Даже там, где флаги на повозках были другими, вторым непременно стоял флаг Ван. Это говорило о том, что те, кто не принадлежал к роду Ван в этом обозе, были под его покровительством в этом путешествии. Повозка Чэнь Жуна тоже следовала под этим флагом и другие знаки на ее бортах были предусмотрительно тщательно замазаны дорожной грязью – благо ее было в достатке.

После последней стоянки часть обоза двинулась другим маршрутом, в Наньньян нужно было далеко не всем. В частности к этим повозкам относились повозки его родственника с юга. К тому же беглецы пополнились за счет тех кто пешком покинул город через подземные ходы, их подбирали знакомые и родсвенники, встречая тех у заранее оговоренных мест. Некоторые даже уже обзавелись собственными повозками, приобретенными у селян или подобранными в разоренных поселениях и постоялых дворах.

Так что изначально, после отбытия войска генерала Сунь, караван разросся, а перед поворотом на Наньньян вновь уменьшился.Беженцы прекрасно понимали что Наньньян не резиновый и всех желающих не уместит. А Принц… ну что принц? Он думали, что и Храмовый город достаточное основание для защиты…Так что купцы сознавали, что войска ху совсем не далеко.

Но кто мог вести обоз рода Ван? Было известно не так уж много Мастеров рода, имеющих право поднимать флаг рода. Например, слуги рода, что ушли в сторону Мо'яна, шли в свое время без опознавательных флагов.

Поэтому, когда обоз Ван Цилана появился перед воротами города Наньньяна, солдаты, охранявшие город, оказались потрясены этим.

Прошло довольно много времени, прежде чем капитан стражи, наконец, вышел из городских ворот и прокричал слуге семьи Ван, ехавшему впереди процессии с флагом рода:

— Могу я видеть главу обоза?

Судя по этому требованию. Он все еще не верил, что называется, глазам своим. И хотел убедиться, что происходящее не обман. При этих словах на них сосредоточились сотни взглядов, направленных с крепостных стен.

Ван Хун отодвинул занавески своей повозки.

Он улыбнулся, будто успокаивающий ветер пронесся, и яркая луна выглянула из-за облаков, после чего воскликнул:

— Это я!

Как только эти два слова были произнесены, на городской стене раздался взрыв восторженных криков. Ван Хуна невозможно было не узнать. Слишком он был популярен. Капитан взволнованно закричал:

— Ван Цилан!? - Он оглянулся по сторонам, точно пытаясь получить подтверждение этого факта.

— Это действительно Ван Цилан…- подтвердил ему стражник-солдат.

— Это Ван Цилан, откройте ворота, откройте их скорее!

Под его крики огромные тяжелые железные ворота начали открываться. Чтобы их открыть, требовались усилия одновременно шести сильных мужчин и специального ворота, в движение который приводили два могучих быка. Наньньян был серьезно укреплен. Его стены были каменными и высокими, на верхнем парапете, нависающем над стеной, могли разъехаться два всадника и каждые десять метров за зубцами прятались лучники. Стража несла круглосуточное дежурство у каждых из четырех ворот. Повозки каравана стали собираться перед воротами беспорядочной пробкой. Большинство возниц не были военными или обученными, они переживали, что их сразу не пустили в город.

Вперед ожидаемо выехала повозка Ван Хуна, для освидетельствования личности главы каравана стражей ворот города…

Но когда его повозка подъехала к шицзюй Чэнь Жуна, стоящему в стороне, то внезапно остановилась и под всеобщими взглядами восторженных и выжидающих людей находившихся на городской стене, он мягко и нежно позвал Чэнь Жуна, сидящего верхом рядом с повозкой:

— Идем, Цинцин, сокровище моё. Мы прибыли, все беды остались позади. – Это было фамильярное и интимно-нежное обращение к супругу или супруге.

И его голос не был тихим.

«Цинцин» - Этого было достаточно, чтобы люди у городских ворот услышали, а если и не услышали, то увидели, как нежно тот улыбается некой личности у потрепанной сражением повозки под флагом Ван, но без собственного опознавательного флага.

Все окружающие взгляды мгновенно словно приковало к тому экипажу. Но что это за шицзюй, и кому он принадлежит, можно было предполагать бесконечно – правил им мужчина с воинским головным убором, скрывающим шарфом большую часть лица, что традиционно одевалось солдатами для защиты от дорожной пыли.

Ехать и дальше верхом на виду толпы рядом с повозкой, в которой попросту не было места, было глупо, и Женя это прекрасно понимал. Все свободное пространство в его дорожной повозке, заняли огромные деревянные, окованные бронзой, сундуки, зафиксированные в два ряда вдоль стен повозки. Благо, что в свое время он учел такое крепление багажа в два яруса. И теперь аж восемь внушительных сундуков – по четыре с каждой стороны сократили пространство повозки до минимума. Но и защитили максимально. Такую толщину пробить стрелой, копьем или мечом было нереально. Старого Шена ранили только оттого, что он высунулся не вовремя.

Чэнь Жуну было очень интересно, что же в этих сундуках такое? Наверняка что-то очень ценное, раз его знакомец отправился за этим грузом аж в осажденный город. С другой стороны — пространственные артефакты были редкостью и ценностью. Но и их объем был весьма ограничен. В частности такое кольцо как было у него – все эти сундуки в него не влезли бы. Даже один не влез бы. В каждом таком сундуке поместился бы он сам целиком. В кольце он хранил готовые пилюли и эликсиры первой необходимости, письменный набор, зачарованное оружие и свой любимый котел. На этом – всё. Было еще личное пространство, но это был большой секрет, таким даром обладали единицы. И не стоило лишний раз таким светить.Итак по большому счету он устроил там «свалку» в спешке.Слишком многое хотелось прихватить из осажденного города, там уже никому не нужное. Однако его уровень культивации не был особенно высок и действительно крупные вещи – такие как дома, он поместить в пространство пока не мог. Максимум – объем повозки, ну чуть больше…И то для этого следовало сосредоточиться и задействовать «ключ» ту самую бусину-артефакт.

В середине повозки, в узкой щели меж сундуков, расположился его раненный слуга, и кажется, тот самый нищий с поврежденной ногой, которого он встретил в Мо Яне. Один евнух правил повозкой, сменивший раненного Шена, другой следовал рядом с повозкой верхом, как и знакомец Жуна из поместья принца.

Когда люди на стене увидели всадника, к которому так интимно обращался Ван Хун, то не могли не начать обсуждать это. Так что ему оставалось только и скрыться в своей повозке, хотя явно намек Ван Хуна был на его собственную. Поэтому любопытным зрителям рассмотреть его сразу не удалось. Евнух, тоже верховой, подхватил поводья его лошади, перекинув их на специальный крюк повозки Чэнь Жуна . Сам же сменил свое положение охранника, переместившись от задней двери повозки вперед. Но, сливался с верховой охраной шицзюй Ван Хуна, следующего впереди, не приближаясь к ней слишком близко. Но эти передвижения не вызвали большого внимания зрителей. Всех сейчас интересовала только повозка Ван Хуна и он сам, смотрящий в окно.

Со стен тем временем неслись приветствия, в которых тонули языки сплетников, жаждущих увидеть того, к кому столь интимно обратился их кумир.

Никто не знал, что Чэнь Жун, находившийся сейчас внутри своей шицзюй, сжал кулаки и прикусил губу, а лицо покраснело так, будто ему очень плохо. Он удрученно прошептал сам себе:

— Он сделал это нарочно, Ван Хун, ты точно сделал это нарочно. Чтобы сделать нашу связь всеобщим достоянием.

Ван Хун в своей повозке на это только усмехнулся краем губ. Переманить омегу к себе в повозку не удалось. Ничего, это был не последний вариант в его плане.

-оОо-

Хромой пассажир смотрел на красивого юношу с большим интересом. В прошлый раз он его видел только мельком, но теперь он мог рассмотреть молодого омегу так сказать всесторонне. И, надо сказать, что юноша был им признан просто невероятно ценным призом. За который борьба еще только начиналась. И это при том, что юноша не вышел из «молочного возраста» и, можно сказать, еще никому не известен. Ну из того самого «узкого круга кровно заинтересованных лиц».

Это про Ван Хуна знают все те самые заинтересованные лица. Поскольку прекрасный и переборчивый омега весьма благородной крови не первый год использует свой флер. Он сам даже склонен предполагать, что восхитительный Ван как раз и является одной из причин нашествия северян.

Все же наследный принц северных провинций, Мужун Кэ - не рядовой маг, а предводитель армии Ху, наследник короля Севера и бессмертный демонического пути – так сказать в одном флаконе. А он добивается благосклонности прекрасного омеги давно и безуспешно. Не просто же так ему путем сложных политических ходов, подкупа и сбора информации удалось того запереть в ловушке Мо Яна. И неважно, что ловушкой был целый город, причем совсем не маленький. Что демону те жители, когда чресла горят! Страшно подумать, каков будет гнев генерала-демона, когда он поймет что птичка-то того… тю-тю. Одна надежда, что великий Небесный принц его возьмет под уздцы. Только старший брат и мог справиться с этим неукротимым красавчиком.

А сейчас, можно сказать, на его глазах разворачивалась крайне интригующая драма. Роман меж двумя омегами? Ах, до чего пикантно.

Так что мнимый нищий подвинулся, давая возможность хозяину повозки присесть меж сундуков. Женя кое-как примостился на крошечном пятачке свободного пространства.

— Мне надо как-то замаскироваться…- пробормотал он сам себе.

Однако хромой немного подумал и, открыв свою суму странника, достал из нее сверток, после чего передал его юноше. В свертке оказалось верхнее женское одеяние актрисы. Ханьфу было разрисовано достаточно нелепо и красочно. Видно самому нищему приходилось подрабатывать и таким образом. Обычно в театральных труппах женские роли исполняли молодые мужчины, одевая маски, если грим не мог сделать их по миловиднее. О-очень редко это могли быть простолюдинки или дочери самих актеров. Правда, в этом случае сомнительно, что они смогли бы выйти в дальнейшем замуж. Априори актрис (и актеров) считали шлюхами – причем дешевыми. Но сейчас такая маскировка была прекрасным решением. Но кое-чего не хватало.

— Найдите мне и старику Шену шарф, чтобы замотать лицо. Нельзя, чтобы нас узнали.

Чэнь Жун на мгновение задумался, затем взглянул на второго евнуха. Первый правил его повозкой, и «птичьим» измененным голосом окликнул верхового:

- Иди сюда.

Снаружи было очень шумно, а голос Чэнь Жуна не был громким, никто не мог ясно расслышать его. Но на всякий случай он его изменил, вызвав улыбку Ван Хуна в его повозке. Старший омега изогнул бровь. Интересно, что милый Цинцин задумал? Всяко себя Ван Хун считал мастером интриги, продумавшим все варианты. Как юный мальчик может испортить его игру?

Чэнь Жун беспомощно откашлялся, и ему пришлось снова тоненько позвать верхового. Тот, наконец, услышал

— Чем могу помочь Мас… госпоже? — обратился подошедший к ней, спустя некоторое время, евнух, быстро окинув Чэнь Жуна понимающим взглядом. На нем уже было одето женское аляпистое ханьфу. Благо, что нижние одежды у этой прослойки девиц не слишком отличались от мужских. Труппы актеров постоянно кочевали, поскольку их пребывание в каком-либо городе было ограничено законами.

— Принеси мне что-то, чтобы скрыть лицо. Шарф или шляпу с вуалью.

— Слушаюсь.

Через некоторое время в руку Чэнь Жуна вложили актерскую маску, изображающую женского духа вожделения. Уж где его евнух нашел, кто знает. Хотя знакомец Жени по поместью принца что-то подозрительно кривил губы.

Женя быстро туго затянул верхнюю женскую одежду, заплел косу, подвернув ее в узел по-женски, и надел уродливую маску, изображающую искаженное страстью лицо. Тьфу ты, гадость какая и непотребство. Но время не ждет. Старик Шен тем временем накрутил на голову шарф из оторванного подола прежнего ханьфу Жуна.

Можно сказать, они были готовы к невзгодам. Почти. Потому что их опознание было бы катастрофой. Ведь итогом подобного было признание его связи с Ван Хуном и следовательно… дальше будет исключительно его воля, а не желания и стремления самого Жени.

Те, кто по воле случая находился неподалеку от ворот, теперь воздавали прибывшим восторженную хвалу, молодые девушки уже бежали рядом с повозкой Ван Хуна, которая шла первой сразу за группой охраны дома с вымпелами-печатями рода и флагами. Девушки стремились хоть коснуться ее борта своими руками. Их кумир вернулся живым и здоровым!

Все чаще слышалось, что «красоту не берет смерть» и тому подобные высказывания, от

которых у Жени чуть ли зубы не заболели. Большего бреда он не слышал еще.

Чэнь Жун смерил Ван Ци, силуэт того прекрасно читался за шелковой обтяжкой его повозки, убийственным взглядом и с горечью отвернулся, пробормотав:

— К счастью, ты не открыл моё имя, иначе от моей ... моей репутации не осталось бы даже клочьев.

— Господин, Вы прошли через жизнь и смерть вместе с Циланом. Даже если Вы будете всего лишь наложником, он будет Вас уважать, — устало ответил евнух-возничий тихо, низким охрипшим от усталости голосом.

В его тоне слышалось одобрение. Старик Шен тоже одобрительно покивал, словно подтверждая его слова. И только бывший нищий смотрел с интересом, никак не реагируя на подобный вывод слуг. Скорее он созерцал юношу, эстетически наслаждаясь его видом. Что там, юному омежке все к лицу, хоть женское, хоть мужское. Хоть вуаль, хоть парик…хоть маска, сейчас сдвинутая на макушку.

Чэнь Жун еще разок яростно посмотрел в сторону повозки Ван Хуна, и снова крепко сжал кулаки и пожал губы. Он был так по-детски зол, что не мог на того смотреть и с фырканьем отвернулся в сторону, сдерживаясь от комментариев только что сказанного. Что толку спорить со слугами? У них свои ценности и многого они от жизни не хотят.

Странник постучал пальцем по губам и чуть улыбнулся. Омежка был дивно хорош собой. Эфир уже изрядно поработал над его внешностью, то ли еще будет. Сейчас его можно было без труда принять за девушку, причем очень хорошенькую. Просто куколка! Причем чем дольше тот будет избегать связи с альфой, тем более очаровательным он будет становиться.

Колонна тем временем начала втягиваться в городские ворота, попутно перестраиваясь. Первой шла повозка Цилана, затем его слуги, затем повозка Чэнь Жуна, потом остальные повозки его дома и повозки примкнувших родов.

Известие о том, что обоз Ван Хуна благополучно вернулся в Наньньян, потрясло всех его обитателей. Все жители, по обе стороны улицы (слева или справа от колонны обоза) бежали в сторону ворот, не обращая внимания на другое движение, даже владельцы магазинов закрывали лавки и втискивались в эту встречающую толпу. Те, кто жил в больших домах вдоль улицы, также поспешно открывали свои ворота с криками:

— Ван Цилан вернулся, Ван Цилан вернулся!

Слова "Ван Цилан вернулся" разнеслись по улицам города. Это было главной новостью, скрывшей остальные сплетни.

Сначала, когда Чэнь Жун увидел сотни зевак с обеих сторон, он все еще думал о том, чтобы

найти возможность покинуть колонну обоза Ван, когда никого не будет.Евнух следуя его указаниям правил повозкой то так то сяк, ища прогал в сопровождающей толпе.

Однако в мгновение ока число зевак изменилось с сотен до почти тысячи.

Улицы становились все более и более переполненными, и со всех сторон доносились приветственные крики. Свернуть в проезды незаметно было просто невозможно.

Лицо Чэнь Жуна побледнело, губы задрожали, и он крикнул евнуху, правящему повозкой:

—Мы никак не можем уйти. Что же нам делать? — его голос был по-прежнему изменен, но явно он срывался. Он так тревожился, что готов был по-детски расплакаться.

— Я попробую проехать вперед и посмотреть, — сказал всадник, услышав его голос и поняв его нервное состояние.

Как только он собрался отъехать, Чэнь Жун сделал ему знак и отрицательно замотал головой. Он боялся, что фанатки Цилана могут взять повозку штурмом. Тем более что их повозка сейчас почти сравнялась в процессе маневров с повозкой Ван Хуна.

— Парень, ты не можешь сейчас уйти… Как только ты выйдешь, меня разоблачат, и от моей репутации ничего не останется.

Действительно, верховой охранник немного приостанавливал желающих заглянуть в повозку. А таких было достаточно.

— Тогда, что же делать, молодой господин? — спросил он с тревогой.

Как раз в тот момент, когда он спросил, снаружи раздался взрыв криков и воплей девушек.

— Сколько бы людей там ни было, ты должен проследить, чтобы никто не разглядел нашу повозку, не позволяй никому заглянуть сюда, — надвинув маску пониже и скрывая за ней лицо, сказал Чэнь Жун.

— Не волнуйтесь, господин, — хрипло ответил тот.- Я сам оторвал или замазал все опознавательные знаки на ней.

В этот момент, радостные крики приветствий смешались с криками нескольких девушек:

— Невозможно! Как у Ван Цилана может быть возлюбленная?

— Я не верю этому, я не верю этому.

— Давайте посмотрим.

— Кто она? Верно, покажите нам ее.

— Покажите нам ту, ради которой рисковал наш Ван Цилан!!!

— Это ради ее спасения он отправился в осажденный город…ах, он едва не погиб из-за этой негодницы!!

Каким-то немыслимым образом произошедшая история оказалась перевернута с ног на голову.

Среди криков со всех сторон послышались смешанные звуки шагов, которые окружали потрепанную повозку. Треснула ткань обивки, и так едва держащаяся.

Чэнь Жун так перепугался, что чуть не вскрикнул. Он в панике поспешно повернулся к старику Шену и спросил:

— Что делать?

Как раз в этот момент в задних дверях своей повозки впереди появилась красивая фигура Ван Цилана. Он поднялся во весь рост, в дверях повозки, отвлекая внимание на себя.

Хотя он видел его только его силуэт, в своем сердце Чэнь Жун твердо помнил его фигуру. Он стиснул зубы и сердито посмотрел в ту сторону.

— Ван Ци такой мерзкий, он намеренно мешает мне найти другую дорогу кроме вынужденного замужества, — выругался почти про себя Чэнь Жун. — Клянусь, я буду преследовать его. Я испорчу ему жизнь, расстрою все возможные брачные союзы и он никогда не женится ни на ком другом до конца своей жизни, паразит.

Его проклятья были очень тихими, почти неслышимыми, особенно на фоне радостных воплей толпы. Однако судя по дрогнувшим плечам Ван Хуна, возможно, что-то оказалось им услышано. И, не сказать, что не понравилось.

К тому же, как только голос Чэнь Жуна стих за занавеской, Ван Ци сказал своим красивым и нежным как вода голосом:

— Кого это, моё нежное сокровище Цинцин так гневно упрекает?

Его голос тоже был довольно тихим.

Однако, в отличие от остальных, голос Ван Ци имел силу проникновения, и даже в такой шумной обстановке его голос достиг ушей Чэнь Жуна.

Это было странно, Чэнь Жун выглядел таким сердитым, что он мог бы подпрыгнуть и укусить его, но как только раздался его голос, его гнев уменьшился вдвое. Возможно, он был подкреплен флером, все же Цилан был омегой в силе и не первый год пользовался флером. Если разбираться, это выглядел он на свои 20. И все считали, что ему столько. А вот сколько ему на самом деле… Стыд и смутное ожидание нахлынули на Женю с новой силой.

Он подавил эмоции, которых не должен был испытывать, и уже приготовился ответить ему, когда одна из девушек крикнула:

— Ван Цилан, мы любим тебя и восхищаемся тобой. У нас кружится голова от одного только взгляда на тебя. Но, ни с того ни с сего, ты сказал, что у тебя есть "цинцин" мы не можем в это поверить, так что позволь нам увидеть твою возлюбленную, — последнее слово было произнесено сквозь сцепленные зубы. И явно не сулило ничего хорошего той возлюбленной.

— Ван Цилан, позволь нам познакомиться с твоим "сокровищем"! — прокричало с десяток девушек, после нее - мы хотим оценить. Достойно ли «сокровище» нашего Цилана!

С этими словами они снова бросились к шицзюй Жени.

Сила этих девушек была просто сумасшедшей. В мгновение ока более дюжины слуг Ван яростно закричали на них, но их инерция не ослабевала. Они пробивались к повозке с упорством, достойным воинов Ху

Чэнь Жун нетерпеливо смотрел в сторону Ван Хуна. Хотя он прекрасно знал, что он этого не сделает, он все же надеялся, что он что-нибудь скажет. Девушки уйдут только в том случае, если он поговорит с ними.

В то время как он с нетерпением смотрел на него, он услышал, как Ван Цилан вздохнул и приказал вознице следовать дальше.

Это просто немыслимо. Вот ведь скотина!

Как только он отправится, он окажется просто овечкой перед тигрицами. Они все равно добьются своего и точно рассекретят его личность...

Как раз в тот момент, когда Чэнь Жун от беспокойства вспотел, несколько маленьких ручек уже вцепились на оглоблю повозки.

Времени на раздумья нет.

Чэнь Жун стиснул зубы и поплотнее надвинул маску на лицо… Он подобрал ханьфу, чтобы не запутаться, оставив открытыми ноги в тонких шелковых штанах. Облегающих их почти как чулки - что было, мягко говоря, неприлично, прицелился с облучка в соседнюю повозку и резко прыгнул.

В суматохе и суете он выскочил из повозки едва не попав под колеса, и в два прыжка настиг предыдущую.

Его поступок испугал окружающих, и на мгновение даже слуги Ван остановились, боясь придавить такого сумасшедшего, замерли и спешащие девушки, и даже Ван Цилан, собиравшийся уходить, повернул голову и с удивлением на него посмотрел. Сверкая стройными ногами в белом шелке, он сиганул в сторону повозки Ван Хуна.

В то время как они были ошеломлены, ловя челюсти на уровне дороги, Чэнь Жун несся будто стрела, и на глазах у всех, он решительно запрыгнул в чужую повозку, напоследок показав еще и крепкие, обтянутые тканью ягодицы и повис на Цилане, подхватившего его. Ван Хун замер. Подобная сцена… Но Чэнь Жун буквально влетел в его объятия, ухватившись по инерции за гибкий стан ученого-омеги.

— Ах, у него действительно есть возлюбленная!! Это ради ее спасения он уезжал в Мо'ян!!!

— Ах, ах. Ван Хун уже женат?? Какая она бесстыдница! Одно слово деревенщина-простолюдинка!

Многие старались забыть соблазнительные видения, но акцентировали на неприличности уведенного. Стража и мужчины поглаживали себя по бородам и усам, и многозначительно подмигивали друг другу. Ну да. Понятно, что за абы кем Ван Хун бы не отправился на гибель. Хороша-а-а… Ах… особенно жопка хороша… За такое взбаломошной красотке- актерке можно многое простить. Явно девица из простолюдинок – ножки-то небинтованные! Если это вообще девица!

—…неужели Ван Хун теперь для нас потерян?? Он выбрал себе простушку-куртизанку? Ах, какой ужас!

Голос одной из поклонниц был таким печальным и безысходным, что он достиг сердец всех девушек вокруг нее. Как только она это произнесла, они дружно в голос разрыдались.

Всхлипывающие снаружи девушки начали отступать в толпу, многих утаскивали слуги, все же все происходящее могло скомпрометировать девиц.

Сидевший уже в другой повозке, Чэнь Жун, уткнувшись лицом в рукав, не мог удержаться от

смеха.

Услышав его смех, Ван Хун наклонил голову.

Чэнь Жун не мог видеть его лица, но ему не нужно было смотреть на него, чтобы понять, что он, знаменитый мужчина, известный и почитаемый во всем мире, должно быть, подавлен. Его женили? На куртизанке? Ему придется объясняться с семьей, это точно. В княжеском роду не потерпят подобного мезальянса. Даже просто связь – уже удар по имиджу.

— Ван Хун, Ван Цилан, ты хоть немного жалеешь сейчас о том, что натворил? — прикусив губу, усмехался он, довольно щуря прекрасные глаза. — Ты расстроен? Потерян? Тебя считают заключившим мезальянс с танцовщицей… Я предупреждал тебя, но ты не послушал. Ты уже усвоил свой урок?

Его голос звучал торжествующе.

Как и ожидалось, Ван Цилан оставался невозмутимым и долго не опровергал его слов.

Чэнь Жун чрезвычайно гордился собой, мягкий голос Ван Хуна эхом отозвался в его ушах:

— А Жун, я только что назвал тебя "Цинцин", а ты уже лежишь в моих объятиях, обнимая меня за талию. На поле боя можно сказать, что ты ничего не мог с собой поделать, но если ты творишь такое сейчас, то как это тогда называется?

Как только эти слова прозвучали, Чэнь Жун замер. Эпическая сила! Епиздрическая, можно сказать!!!

http://erolate.com/book/1285/36141